

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Проблема изучения этногенетических процессов, прежде всего, заключается в выборе методологического подхода к понятию "этногенез". Традиционно термином "этногенез" (гр. *ethnos* народ + *genesis* рождение) обозначались процессы, приводящие к появлению на исторической арене того или иного народа. Сложность в данном случае заключалась в определении отправной точки, с которой следовало рассматривать начало этого процесса. В большинстве случаев это зависело от наличия фактического материала и эрудиции автора. Для территории Сибири выбор эпохи, с которой обычно начинали рассматривать этногенез современных народов, колебался в зависимости от региона от неолита до поздней бронзы и раннего железа. Так, если обратиться к Юго-Восточной Сибири, включающей территорию Предбайкалья и Забайкалья, то большинство основных работ, например, по проблеме происхождения наиболее крупного этноса – бурят, начинались с рассмотрения древнейших неолитических культур региона и заканчивались XVII – началом XVIII в., т.е. моментом возникновения собственно бурятского этноса (см.: Нимаев 1988). Таким образом, этногенез бурят представлялся как длительный эволюционный процесс, развивающийся от эпохи к эпохе и завершающийся появлением современного бурятского народа. При этом смена этнического состава населения на данной территории в различные исторические эпохи и возникновение новых народов рассматривались в целом как этапы в становлении современного бурятского этноса. Механизмы действия всех этих сложных этногенетических процессов оставались в тени. Главное внимание исследователей сосредоточивалось на исторических событиях и их последствиях, т.е. анализ процессов этногенеза сводился к констатации исходных посылок и конечных результатов.

Приблизительно так же предстает в научных трудах и этногенез других народов Сибири. Поэтому подавляющее большинство монографий и статей оказываются посвященными не столько этногенезу конкретного народа, будь то буряты, алтайцы или тувинцы, сколько этнической истории населения данной территории (см.: Сердобов 1971). Более того, изучение этногенеза, как правило, заканчивалось именно на моменте возникновения этноса, и весь дальнейший период его существования, вплоть до середины XX в., если и рассматривался, то главным образом в контексте социально-экономического развития общества. Априорно считалось, что с возникновением этноса действие этногенетических процессов прекращается. Но возникают вопросы: что же происходит с этносом дальше, и какие процессы привели к исчезновению с исторической арены многих древних и средневековых народов?

В связи с этим представляется важным рассмотреть характер и направленность этногенетических процессов, протекавших на территории Сибири, в частности ее юго-восточной части, на последнем отрезке этнической истории региона. Именно присоединение сибирских земель и сыграло основную роль в превращении локальной по своей сути Московской Руси в государство имперского типа. Освоение Сибири явилось существенным фактором не только в становлении нового государства, оно имело важнейшее геополитическое значение, а именно окончательное оформление особого этнокультурного пространства, получившего название исторической Евразии, кото-

рое во многом определяло развитие мировой истории на протяжении XVIII–XX вв. Значительным результатом этого оформления был и тот факт, что впервые народы, населяющие таежные и тундровые зоны Северной Азии, были непосредственно вовлечены в общемировой исторический процесс, а их культуры пополнили общемировую сокровищницу культурных достижений.

Этот новый этап мировой истории неразрывно связан со становлением и формированием великороссов (основного населения Московской Руси). Рождение этноса великороссов было обусловлено этногенетическими и этнополитическими процессами XIV–XV вв. как на территории Восточно-Европейской равнины (эндогенными), так и в сопредельных с нею западных, южных и юго-восточных землях (экзогенными). Разгром Киевской Руси монголами не просто нанес значительный урон ее населению, он фактически разрушил древнерусский этнос, степень консолидации которого, как, впрочем, и многих средневековых народов Старого Света, не была высокой. Продвижение монголов в пределы Руси вызвало сильное смещение ее коренного населения и перемещение его из южных лесостепных районов на север в лесные пределы Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Именно эта территория и стала "месторазвитием" или "кормящим ландшафтом" (по определению Л.Н. Гумилева) нового этноса – великороссов (Ключевский 1997: 259–263). Она явилась центром этногенетических, культурных и историко-политических процессов, в которые втягивались самые разные этнические компоненты, определившие будущее лицо русского народа. Процесс этногенеза великороссов, начавшийся с переплавки в горниле истории проторусских субэтносов Древней Руси, обогащался за счет вовлечения в этнический котел местных финно-угорских компонентов, южных – тюркских и монгольских, а также западных и северо-западных – польско-литовских и скандинавских (Гумилев 1992: 135).

Процесс этот завершился к началу XV в. сложением этноса великороссов и образованием в лесной зоне Восточно-Европейской равнины Московского государства. Следующим этапом этногенеза явилось становление уже собственно русского этноса, и начало его связано с выходом великороссов за пределы своего лесного "кормящего ландшафта" в лесостепные, степные, таежные и частично тундровые пространства Евразии. При этом продвижение великороссов на юг, восток и запад фактически лишь увеличивало размах этногенетических и этнокультурных процессов, не меняя их общей этнической направленности. Становление и оформление русского этноса происходило во взаимодействии практически тех же этнических компонентов, что и великороссов, но на несоизмеримо большей территории и в огромном разнообразии вариантов этнокультурных контактов.

Продвижение молодого этноса по территории Сибири сопровождалось его интенсивным этнокультурным взаимодействием с автохтонными народами, что повлекло за собой возникновение широкомасштабных этногенетических процессов в среде коренного населения. Однако освоение Сибири, как, впрочем, и всех земель, вошедших в Российскую империю, невозможно представить себе без особого и специфичного славянского этнического компонента, а именно казаков. Хотя вопрос, являются ли казаки народом или субэтнсом в составе русских, не получил окончательного решения, мне представляется более правильным видеть в них самостоятельный этнос. Что же заставляет прийти к такому выводу? Прежде всего характер и особенности этногенеза, стереотипов поведения, этнического сознания и ХКТ.

Возникая как сообщества "вольных, гулящих людей" на южных окраинах Московского и Литовского государств, казаки целиком были связаны со степью, которая и явилась их "местом развития". Как особая этническая целостность казаки складывались в рамках двух ХКТ – кочевого скотоводства и пашенного земледелия, сочетая в своем становлении оба этих начала и создавая свой собственный, уникальный ХКТ.

Зарождаясь в долинах крупных рек – Дона, Днепра, Волги и Урала, в чем отчетливо проявляется славянская основа этого этноса, казаки активно начинают вбирать в себя тюркский компонент, что позволяет им выйти в степь. В целом этнический конгломерат, участвовавший в формировании казаков, во многом совпадает с этнической основой великороссов, однако роль тюркского фактора в нем намного сильнее.

Казаки сыграли исключительную роль в становлении Российского государства, так как им и только им принадлежит заслуга овладения степью и включения степных регионов в состав империи. Степь была недоступна для земледельцев-великороссов, но этнос, возникший в сплаве земледельческой и скотоводческой культур (с преобладанием коневодства), что привело к формированию особого, только ему присущего мироощущения и мировоззрения, смог ее покорить. Для этнической культуры казаков были характерны военный (куренной или станичный) тип поселений, военизированный характер социальной организации и быта, высокая консолидация, меньшая, по сравнению с метрополией, степень социального расслоения общества, менее выраженная иерархическая вертикаль власти, но большая соборность, а также высокая культура наездничества, в чем отчетливо проявился тюркский компонент их этно- и культурогенеза. Однако в процессе формирования этого этноса присутствует одна особенность – он складывался в жестких рамках сословия, и в его развитии значительную роль играло государство. Именно поэтому на протяжении всей истории казаки рассматривались исключительно как военное сословие, встроенное в общегосударственную социальную систему, хотя и имеющую свою этническую специфику. Этническое самосознание казаков, отчетливо выраженное в противопоставлении "мы-они", которое хорошо прослеживается не только по документам XVII–XIX вв., но и во всей русской литературе и достаточно четко определяет характер отношений между казаками и другими народами России, в том числе и русскими, как ни странно, долгое время оставалось незамеченным. В то же время формирование и развитие русского и казацкого этносов проходило параллельно и в целом в очень близких условиях, а именно в процессе освоения Поволжья, Сибири, Средней Азии, Кавказа.

Присоединение сибирских земель к России и внедрение в их этническое пространство русских и казаков вызвало к жизни новые этногенетические и этнокультурные процессы, во многом обновив этническую карту региона. Возникли новые народы, в отдельных областях сократилась или изменилась занимаемая коренными народами территория, определенные преобразования произошли в автохтонных ХКТ, дальнейшее развитие получили социальная организация и культура. Все это привело к тому, что население всей территории Северной Азии было непосредственно вовлечено в общеисторический процесс развития мировой цивилизации.

Наиболее интенсивно эти процессы протекали в лесостепном, степном и южно-таежном ареалах, где оседала большая часть русского и казацкого населения. Одним из таких районов явилась Юго-Восточная Сибирь. К моменту появления здесь русских и казаков местное население региона составляли: 1) четыре протобурятских (монголоязычных) этноса – булагаты, эхериты, хонгодоры и хори, населяющие лесостепные районы Предбайкалья и забайкальские степи в низовьях р. Селенги, которых русские называли "братами" или "братскими" народами; 2) монголоязычные субэтносы – табангуты, сартолы, цонголы, занимающие степные пространства Забайкалья; 3) многочисленные тунгусоязычные субэтносы, территорией которых являлись таежные и горно-таежные участки региона; 4) тюркоязычные этносы – карагасы, сойоты, ирки-ты и хаасуты, населяющие Восточные Саяны. Все эти народы сложились в результате этногенетических процессов, вспыхнувших в Великой степи с выходом на историческую арену монголов и образованием империи, но в то же время находились на различных стадиях этногенеза. Этнический подъем испытывали протобурятские этносы,

занимающие доминирующее положение в Предбайкалье. Монголоязычное население Забайкалья пребывало в состоянии этнического распада и представляло собой осколки некогда мощного этноса монголов, образовавшиеся в результате его дробления на периферии рухнувшей империи. Для тюркоязычного и тунгусоязычного населения этого региона, по всей видимости, была характерна этническая стагнация.

Определяющей линией нового витка этногенетических процессов на данной территории, начавшегося в результате появления в регионе экзогенного фактора в лице русских и казаков, явилось их взаимодействие с протобурятскими этносами (Павлинская 1999: 264–265). Это объясняется прежде всего тем, что именно они служили доминантной этнической составляющей данного региона. Находясь на стадии этнического подъема, булагаты, эхериты, хонгодоры и хоринцы оказали основное сопротивление продвижению и обоснованию на их землях русских и казаков и поэтому наиболее широко были вовлечены в круговорот этнических процессов.

Ускорить покорение "братских" народов, которое, тем не менее, отняло у русских около 20 лет, удалось только благодаря географическим особенностям Предбайкалья. Главными магистралями здесь для русских, как и по всей Сибири, служили реки. Первой освоенной русскими рекой была Ангара, но она не давала возможности глубоко проникать в прилегающие степи пешим отрядам, которые составляли основную часть русских военных сил в первой половине XVII в. Поэтому все скотоводческое население легко уходило от военных столкновений, и межэтнические контакты двух сторон были незначительными. Ситуация резко изменилась в начале 1640-х годов, когда русские освоили Лену и поставили Верхоленский острог. Коренные народы Предбайкалья оказались зажатыми "в клещи", испытывая военное давление с двух сторон.

Военные события 1642–1648 гг., как маятник, раскачивают коренное население, главным образом оказывающих сильное сопротивление булагатов, эхеритов и хонгодоров. Хоринцы, населяющие к приходу русских о-в Ольхон и Приольхонье (западный берег Байкала), откочевывают в Забайкалье, в долину нижнего течения Селенги, соединяясь с основной частью своего этноса. Оставшиеся на своих землях народы вынуждены то отступать под натиском служивых людей Верхоленского острога на запад к Ангаре, то под ударами русских из Братска и Балаганска уходить на восток, к берегам Лены. Эти масштабные военные действия и явились началом нового этапа этногенеза в регионе. Разгромленные русскими улусы, особенно если их князцы погибали в бою или попадали в плен, присоединялись к другим, что позволяло им выжить в это трудное время. Постоянное и часто хаотичное передвижение родственных по происхождению и языку групп на сравнительно замкнутой территории естественным образом приводило к их смешению, которое послужило в дальнейшем мощным толчком для развития новых этнообразовательных процессов и содействовало возникновению бурятского народа.

В конце 1640-х годов большинство военных конфликтов оборачивается для коренных народов потерями взрослого мужского населения, а частые поражения в прямых столкновениях с русскими и казаками приводят к ослаблению уверенности в себе и в своем будущем. Все это приводит к подрыву этнического сознания и самосознания, что ярко проявилось в возникшей в конце 40-х годов XVII в. в автохтонном обществе альтернативы – или покориться и сохранить себя, или отстаивать независимость и погибнуть. Если в начале военных действий большинство улусов, даже принимавших российское подданство после очередного поражения, как правило, тут же нарушало присягу и снова бралось за оружие, то к началу 1650-х годов почти все население прекращает организованное сопротивление. Период этот характеризуется и таким явлением, как возникающая междоусобица среди "братских людей", что говорит о возрастающих центробежных процессах в среде коренных народов.

Однако завершение в начале 50-х годов XVII столетия военного противостояния не привело к окончательной стабилизации политической обстановки. Разгоревшийся конфликт между коренным населением и местной властью Братского острога существенным образом повлиял на ход этнических процессов. Жестокость и бесчинства правящей верхушки во главе с приказчиком Иваном Похабовым, от которых страдало все приписанное к острогу как автохтонное, так и русское население, вынудили значительную часть булагатов, эхеритов и хонгодоров покинуть в 1658 г. свои земли и откочевать в Монголию. Каковы же были последствия этого события? Во-первых, оно окончательно разрушило этническую целостность протобурятских этносов. Оставшаяся в Предбайкалье часть булагатов, эхеритов и хонгодоров оказалась сильно ослабленной как в количественном, так и в качественном (с точки зрения этнической консолидации) отношении. Более того, произошли изменения в их расселении, потому что часть освободившихся земель была тут же занята крестьянами, что усилило присутствие в регионе русских. Ушедшая же в Монголию часть этих этносов рассеялась, так как была распределена по различным монгольским и джунгарским улусам. Естественным образом все это повлекло за собой еще большее смешение "братских" народов.

Но, несмотря на все это, почти катастрофические события, которые, казалось бы, должны были привести к полной ассимиляции протобурятских этносов, становятся началом рождения нового бурятского народа.

Территория Предбайкалья расположена между руслами двух крупнейших рек Ангары и Лены и прилегает к оз. Байкал. В данном случае важным представляется не только богатство флоры и фауны Байкальского региона, но и его роль как узла коммуникационной инфраструктуры. Не следует забывать, что параллельно с возникновением и формированием великороссов на другом, восточном конце исторической Евразии разворачивался этногенез маньчжуров. Не случайно два этноса (русские и маньчжуры) в своем продвижении в пространстве Евразии встретились в конце XVII в. именно в Байкальском регионе. Все эти факты образуют комплекс весьма серьезных и интересных проблем, заслуживающих пристального внимания специалистов.

При рассмотрении сложения и формирования нового бурятского этноса нельзя снимать со счета и влияние русских. Вопрос широких брачных и внебрачных связей русских и казаков с женщинами автохтонных народов Сибири, особенно интенсивно развивавшихся в XVI–XVIII вв., освещался в литературе, но не был объектом пристального внимания ученых.

Общеизвестно, что в Сибирь в XVI–XVII столетиях двигалось исключительно мужское население, что уже само по себе являлось причиной основной направленности связей вновь пришедшего населения с автохтонным, как, впрочем, и в других исторических ситуациях, будь то завоевание монголо-татарами Руси или монголами Китая. Развитию и укреплению этих контактов способствовали несколько обстоятельств, главным из которых являлось то, что русские и казаки прочно обосновывались в регионе. Остроги, создаваемые как военные фортпосты, становились административными центрами и достаточно быстро превращались в города. Вокруг них образовывались деревни с русским крестьянским населением, которые постепенно врезались в территории расселения автохтонных этносов, что способствовало усилению этнокультурных контактов. Государственная политика базировалась на идее включения сибирских (да и других) земель в состав государства как его составной части, а отсюда и отношение к коренным народам именно как к своим подданным, а не как к населению колоний, что было характерным для европейской колонизации многих континентов.

Одним из примеров этой политики являются грамоты царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича 1644 и 1649 гг. В них, с одной стороны, категорически запрещалось вывозить в Россию в качестве холопов захваченных в плен представителей ко-

ренного населения Сибири (что имело место в XVI – начале XVII в.), с другой – повелевалось некрещенных инородцев "строить в ясак" (т.е. возвращать к своей хозяйственной деятельности), крещеных мужчин определять на службу, а "крещеных девок и женок выдавать за служивых людей и за пашенных крестьян ..." (ДАИ 1848: 323–324). Трудно представить себе что-либо подобное при завоевании европейцами Америки, Африки или Австралии. Именно в этом и проявлялась основная черта русского менталитета – толерантность к иным народам и их культурам.

Таким образом, и служивые люди, и крестьяне в XVI–XVII вв. женились практически исключительно на женщинах из коренных народов Сибири. При этом условие крещения явно соблюдалось далеко не всегда, так как влияние в этот период Православной церкви в Сибири было весьма призрачным. Более того, контакты эти не ограничивались только брачными связями. Можно с уверенностью предположить, что в периоды появления на новых территориях служивых людей, как, впрочем, и промышленников, и тем более военных, основными были внебрачные связи. Об этом свидетельствует, например, большое число подростков среди ясачного населения Илимского у. Предбайкалья, отмеченное в фискальных документах конца XVII в. (*Долгих* 1960: 286).

Опуская в данной статье множество примеров, характеризующих новый этап этнической истории региона, остановимся лишь на главных, раскрывающих его основные вехи. Они определяются несколькими событиями, вытекающими из общей политической и социально-экономической обстановки в Байкальском регионе и прилегающих территориях в конце XVII в. Прежде всего сказывается диаметрально противоположное развитие исторических процессов в пределах вошедших к этому времени в состав России территорий Предбайкалья и частично Забайкалья и окружающих их с юга монгольских и ойратских владений.

В Предбайкалье к 1670-м годам внутренняя политическая и социально-экономическая обстановка полностью стабилизировалась. За коренными народами были закреплены практически все их "породные земли", а немногочисленные к этому времени русские крестьянские наделы располагались главным образом на свободных территориях, часть которых была оставлена ушедшим в Монголию населением. Начавшийся процесс мирного этнокультурного взаимодействия прежде всего обозначается развитием широких обменных отношений, чему в немалой степени способствовала извечная взаимодополняемость двух ХКТ – земледельческого и скотоводческого. Иначе развивается ситуация в Забайкалье. В целом освоение этой территории русскими носило совершенно иной характер, чем освоение Предбайкалья (*Залкинд* 1958: 54). Начавшееся в 1640-е годы проникновение русских и казаков на эти земли не вызывало военных конфликтов. С одной стороны, это было связано с тем, что значительная часть населения Забайкалья представляла собой множество небольших разноэтничных групп, которые не могли оказать организованного сопротивления, с другой – монгольская его часть, такая, например, как табангуты, находилась в зависимости и под покровительством сильных северомонгольских княжеств, что заставляло русских действовать очень осторожно. Из всего населения этого региона в середине XVII в. русское подданство приняли только хоринцы.

Не менее важной причиной мирного освоения русскими Забайкалья явилась общая напряженная этнополитическая обстановка в Центральной Азии, связанная с выходом на историческую арену маньчжуров, покорение ими Китая и основание новой династии Цин. После завоевания Китая и южномонгольских княжеств политические устремления новой империи обращаются к крупнейшим халхаским княжествам Тушуту-хана, Цэцэн-хана и Дзасакту-хана (*Ермаченко* 1974: 69). Обеспокоенность монгольских князей этим обстоятельством отвлекала их внимание от событий на севере, и проникновение немногочисленных русских отрядов в Забайкалье не вызывало серьез-

ной озабоченности. Это дало возможность русским укрепиться на этих землях: поставить целую сеть острогов, подтянуть военные силы и даже завести небольшие пашни.

В 1655 г. монгольские княжества становятся вассалами маньчжурского Китая и, подталкиваемые цинским правительством, они заявляют претензии не только на территорию Забайкалья, но и на предбайкальские земли. С 1691 г., когда халхаские княжества официально вошли в состав китайской империи, Байкальский регион автоматически включается в круг политических интересов Цинской династии. Все эти исторические события играют важную роль в развитии этногенетических процессов среди местного населения и прежде всего становления нового этнического самосознания. Со второй половины XVII в. начинаются военные набеги монгольских отрядов на население Забайкалья и Предбайкалья, которые резко возрастают к концу столетия. Разорительные набеги монголов ускоряют консолидацию автохтонного, главным образом протобурятского населения, которое однозначно встает на сторону русской власти. Оно сражается в русских отрядах, участвует в дозорных рейдах, сообщает в остроги о всех известных ему планах противника. Знаменательной вехой в этой консолидации является возникшее в 1688 г. единое ополчение "братских ясачных людей" Идинского, Балаганского, Иркутского, Верхоленинского и Тункинских острогов, принявшее участие в решающем сражении под Селенгинском полка, возглавляемого Федором Головиным, с войсками Очирой Саин-хана, и обеспечившее фактически окончательную победу русских в Байкальском регионе.

С этой победы начинается бурный процесс становления нового бурятского этноса. Возникшее в ранее разнородной среде ощущение своего единства порождает мощные центробежные силы. Резко возрастает поток репатриантов с территорий Монголии и Джунгарии, многие из которых покинули свои земли еще в 1650-е годы, и, следовательно, возвращающиеся составляли уже второе поколение, родившееся и выросшее на чужбине. Вместе с ними приходит и некоторая часть собственно монгольского населения, которая покидает свои территории в связи с начавшейся в 1680-е годы кровопролитной войной между монголами и джунгарами. Таким образом, центробежный этногенетический "водоворот", возникший в Байкальском регионе, захватывает и соседнее иноэтничное население, тем самым расширяя и ускоряя формирование бурятского народа.

Необходимо подчеркнуть, что при обострившейся военно-политической ситуации, а именно в конфликтах, наиболее ярко проявляются этническое самосознание и стереотипы поведения (Гумилев 1990: 12), "братское" население региона, объединяясь, выступает против родственных ему монголов на стороне русских, т.е. представителей иной расы, иной языковой семьи и иной культуры, с которыми его старшие поколения воевали в течение почти 20 лет. Обычно исследователи связывали этот факт с разгорающейся междоусобицей в монгольских княжествах, войной с джунгарами и большей, по сравнению с русскими, жестокостью монгольских ханов. Но существовала еще одна и, пожалуй, основная причина, по которой монголоязычное население Байкальского региона плечом к плечу с русскими ожесточенно сражалось против монголов Халки. В результате начавшегося этногенеза протобурятское население обрело этническое самосознание, для которого именно русские представляли ярко выраженную этнокультурную противоположность, способствующую осознанию собственной самобытности. Кроме того, с русскими новый этнос был связан все более и более расширяющимися этнокультурными связями, включающими широкий круг контактов — от административных и социально-экономических до брачных.

Заключение в 1727 г. мирного договора между Россией и Китаем и установление государственной границы значительно ослабили этнокультурные контакты местного населения с кочевниками Центральной Азии и определили весь дальнейший ход этни-

ческой истории региона. Прежде всего начинается интенсивное развитие бурятского народа, которое, с одной стороны, характеризуется усиливающейся этнической консолидацией, активным ростом численности, расширением занимаемой территории, вовлечением в этнические процессы тунгусского и тюркского населения региона, с другой – формированием внутренней этнической структуры – возникновением субэтносов.

Наиболее ярким показателем восходящего развития этноса является рост его численности. К сожалению, данные о численности населения на XVII – начало XVIII в. весьма приблизительны, так как основой для них служат ясачные книги, охватывающие в этот период далеко не все население. Наиболее точными представляются сведения, опубликованные Б.О. Долгих. По его расчетам, монголоязычное население Байкальского региона составляло чуть больше 37 тыс. чел., тунгусы – немногим более 15 тыс., а тюркское население Восточных Саян (карагасы, хаасуты и иркиты) – около 1000 чел. (Долгих 1960: 197–351). Безусловно, данные эти занижены, но в целом они дают представление о порядке численности коренных народов Юго-Восточной Сибири.

Проследим подробно рост численности бурят на протяжении XVIII–XIX вв. Так, по материалам IV ревизии (конец XVIII в.), численность бурятского населения составляла 107 700 чел., в начале XIX в. она равнялась 151 015 чел. (Андреевич 1891: 82–83), IX ревизия (середина XIX в.) дает цифру 219 874 (ГАИО 1: 4–36), а в конце этого столетия численность бурят достигает 288 663 чел. (Патканов 1912: 447–448). Анализ данных показывает, что за столетний период с IV по XI ревизию бурятское население региона увеличилось в 2,6 раза, при этом прирост населения на протяжении всего периода отличается удивительной устойчивостью.

Интенсивный рост численности бурят объясняется несколькими причинами. Во-первых, значительная метисация бурятского и русского населения и высокая рождаемость оказали значительное воздействие на увеличение того и другого народа. Во-вторых, большую роль в стремительном возрастании численности бурят сыграло включение в процесс их этногенеза соседних автохтонных этносов. Так, были частично поглощены кетоязычные корчуны и коты Удинской земли Красноярского у., которые в XIX в. входили уже в состав нижеудинских бурят (Долгих 1960: 247). Подверглись частичной ассимиляции также нижеокинские, иркутские, балаганские, верхнеангарские и ийские эвенки Предбайкалья, пополнив соответствующие субэтносы бурят (Там же). Однако необходимо подчеркнуть, что вовлечение эвенков в этногенез бурят активизировало и этногенетические процессы в среде самих эвенков, которые фактически привели к сложению новых субэтнических единиц. Не останавливаясь подробно на этом явлении, отметим, что за два столетия – с начала XVIII по конец XIX в. – их численность в этом регионе также значительно возросла – с 15 тыс. (хотя данные явно занижены) до 36,5 тыс. чел. Конечно, рост численности эвенкийского населения не столь высок, как бурятского, которое за тот период увеличилось более чем в 7 раз, но нет никаких оснований видеть в этом стагнацию этноса или чуть ли не физическую его деградацию, как полагали некоторые исследователи XIX – начала XX в. (Патканов 1911: 110).

В Забайкалье зарождающийся бурятский этнос активно ассимилирует оставшееся здесь автохтонное монгольское население. Следует уточнить, что после включения этого региона в состав России часть табангутов, сартолов и цонголов откочевала на территорию собственно Монголии. Опустевшие земли заняли главным образом выходцы из Предбайкалья, большая часть которых являлась репатриантами, т.е. булагатами, эхеритами и хонгодорами, вернувшимися из Монголии в конце XVII – начале XVIII в. Переселение в Забайкалье предбайкальских бурят проходило на протяжении

XVIII–XX вв., и таким образом центр развития этого этноса постепенно перемещался. Не случайно при образовании СССР именно в Забайкалье была создана Бурятская автономная республика, а в Предбайкалье – только Бурятский автономный округ, численность населения которого к этому времени была почти вдвое меньше (соответственно, 108 и 179 тыс.). Причин этого переселения много, но главными являются три: 1) расширение в лесостепном Предбайкалье ареала русской культуры; 2) степной ландшафт Забайкалья был более пригоден для кочевого скотоводства, развитие которого способствовало становлению этнического самосознания по контрасту с земледельческой культурой русских; 3) мощный массив в Забайкалье хоринцев, которые в связи с особенностями освоения русскими этой территории, о чем говорилось выше, сохраняли свою этническую целостность, тем самым олицетворяя исконность территории, истории и культуры. Все это привело к тому, что к началу XX в. в бурятском народе сложилось два крупных субэтноса – западный (предбайкальский) и восточный (забайкальский).

Взаимодействие бурятского населения с тунгусским имело здесь свои особенности: происходила скорее метисация, чем ассимиляция, в результате чего складывается несколько эвенкийских субэтносов.

Интенсивное заселение бурятами Тункинского и Окинского районов Восточных Саян начинается в первой половине XVIII в. в связи с укреплением государственной границы и оказывает на местное тюркоязычное население – сойотов, хаасутов и иркитов – воздействие, сходное тому, которое испытали протобурятские этносы в результате появления в Предбайкалье русских и казаков. Этнокультурное взаимодействие молодого бурятского этноса с автохтонным населением провоцирует новый виток этнообразовательных процессов. В результате к началу XIX в. на основе трех коренных и близкородственных этносов (сойотов, хаасутов и иркитов) складывается новый единый народ, принявший этноним *сойоты*.

В то же время в процессе становления бурятского этноса формируется и его более разветвленная этническая структура. Внутри западных и восточных бурят происходит формирование более мелких субэтнических подразделений. Центрами их зарождения становятся русские остроги как административные центры новых территориальных единиц Байкальского региона в составе Российского государства. К концу XIX в. буряты имеют в своем составе более десятка таких субэтнических единиц, названия которых точно отражают процесс их образования – балаганские, иркутские, верхоленские, баргузинские, селенгинские, тункинские, окинские и т.д. Единственным субэтносом, который сохранил в себе основное ядро этноса предка, являются хори-буряты. Различия этих групп отчетливо проявлялись в языке на уровне диалектов, в специфических чертах ХКТ, в костюме, декоративно-прикладном искусстве, но главное – в этническом самосознании. Представители каждой из этих общностей осознают свое единство до настоящего времени – например, "мы из балаганских, а они из селенгинских бурят".

Однако в памяти народа всегда удерживались и этнонимы эхерит, булагат, хонгодор, и большинство бурят даже сегодня четко сохраняет знание своей принадлежности к тому или иному древнему этносу. Фактически самосознание представляет собой многоуровневое явление. Так, на вопрос о национальности ответ будет – "бурят". На вопрос "из каких бурят?" ответом будет, например, "из балаганских, но вообще, из булагатов, из рода Уляба". Это очень важный момент, так как дает возможность понять те новые этнические процессы, которые происходят в наши дни среди коренного населения Бурятии.

Например, там сегодня постоянно звучит этноним *хонгодоры*. Происходят съезды хонгодоров, конференции по истории и фольклору хонгодоров, на которые приез-

жают люди с разных концов республики, отождествляющие себя не с селенгинскими или тункинскими бурятами, а именно со средневековым автохтонным этносом Предбайкалья. В последнее время неожиданно заявили о себе цонголы. Как можно полагать, в основе этого явления лежит стремление части бурят возродить древнюю этническую самоидентификацию, что может рассматриваться как новый виток этногенеза, новый этап в развитии как внутренней этнической структуры, так и национального самосознания. Дело в том, что формирование существующих сегодня субэтносов бурят проходило в несколько искусственных границах территориальных единиц, созданных русской государственной властью. И хотя она в административном обустройстве новых территорий всегда учитывала наличие исконных эколого-культурных ниш, часто присутствовало и нарушение традиционной системы расселения автохтонных этносов и их этнической целостности. Видимо, сегодня мы наблюдаем уникальное явление, когда в бурятском народе присутствует интуитивно ощущаемая потребность в национальной самоидентификации на субэтническом уровне, что свидетельствует о непрекращающемся процессе его этногенеза. Это дает возможность предполагать, что в будущем может возникнуть подобная регенерация самосознания эхеритов и булагатов, что приведет к становлению иной этнической структуры бурятского народа. Нет основания ожидать от этих процессов каких-либо этнических столкновений, но понимать их необходимо, что позволит предвидеть определенные последствия.

Источники и литература

- ГАИО 1 – Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 12. Д. 631.
Андреевич 1891 – Андреевич А. Сибирь в XIX в. СПб., 1891.
Гумилев 1990 – Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев 1992 – Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб., 1992.
ДАИ 1848 – Дополнения к Актам историческим. Т. III. СПб., 1848.
Долгих 1960 – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. LV. М., 1960.
Ермаченко 1974 – Ермаченко И.С. Политика Маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии. М., 1974.
Залкинд 1958 – Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958.
Ключевский 1997 – Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. М., 1997.
Нимаев 1988 – Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск, 1988.
Павлинская 1999 – Павлинская Л.Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского. СПб., 1999. С. 165–271.
Патканов 1911 – Патканов С.Н. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911.
Патканов 1912 – Патканов С.Н. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. Т. III. СПб., 1912.

L.R. Pavlinskaia. On the Problem of Studying Ethnogenetic Processes in South-Eastern Siberia

The major problem of studying ethnogenetic processes, the author argues, has to do with the choice of methodological approach to the definition of the notion of *ethnogenesis*. She reviews approaches that were traditionally used in the study of Siberia, and discusses the ways of understanding and interpreting contemporary processes in this complex region.